

СЕДУНОВА А. Н. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

СТОЛЫПИН Иван Николаевич, родился в 1895 в Санкт-Петербурге. Брат Натальи Батыгиной и Александры Седуновой. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. До 1917 — женат на Аполлонию Георгиевне Столыпина, урожд. Орловской. В 1920-е — проживал в Малой Вишере, работал юрисконсультом стекольного завода. Вторым браком женат на Алисе Евгеньевне Гальнбек. Проживал с женой в Ленинграде, работал в учреждении. 7 января 1935 — арестован, 9 марта приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в лагерь¹.

СТОЛЫПИНА (урожд. Гальнбек) Алиса Евгеньевна, родилась ок. 1900. Получила среднее образование, служила в конторе. Вышла замуж за Ивана Николаевича Столыпина. В 1930-е — проживала с мужем в Ленинграде, занималась домашним хозяйством. В марте 1935 — с сестрами мужа выслана из Ленинграда в Астрахань на 5 лет².

БАТЫГИНА (урожд. Столыпина) Наталья Николаевна, родилась в 1900-х в Вене. Сестра Ивана Столыпина и Александры Седуновой. До 1915 — проживала с родителями в Вене и Мюнхене, в 1915 — вернулась с родителями в Россию. Проживала в Петрограде. Вышла замуж за Батыгина. В марте 1935 — выслана беременной с сестрой Александрой и невесткой в Астрахань на 5 лет. 27 июня 1935 — скончалась в Астрахани после родов от родильной горячки³.

СЕДУНОВА (урожд. Столыпина) Александра Николаевна, родилась в 1900-х в Вене. Сестра Ивана Столыпина и Натальи Батыгиной. До 1915 — проживала с родителями в Вене и Мюнхене, получила образование в колонии, в марте 1915 — вернулась с родителями в Россию, окончила гимназию, с 1920 — конторщица в службе Тяги Северной железной дороги, учительница младших классов в школе, воспитательница в туберкулезном детском санатории. В феврале 1922 — вышла замуж за Николая Васильевича Седунова, в семье — сын. Проживала с мужем в Ленинграде, занималась домашним хозяйством и воспитанием сына, в 1930-х — проработала один год и пять месяцев на Шинном заводе "Красный Треугольник". В марте 1935 — выслана с сестрой и невесткой в Астрахань на 5 лет (муж с сыном остались в Ленинграде).

В январе 1936 — обратилась за помощью к Е. П. Пешковой.

<31 января 1936>

«Товарищу Е. П. Пешковой

гр<аждан>ки Седуновой Александры
Николаевны, жит<ельницы>
г<орода> Астрахань, III р<айон>,
Георгиевская, 88, кв<артира> 4

Ходатайство

Прибегая к Вам, как к своей единственной, могущей быть посредницей и заступницей, приношу Вам, многоуважаемая и дорогая Екатерина Павловна, свою горячую мольбу и покорную просьбу, не отказать мне в Вашей возможной помощи, ходатайствуя за меня! Я дочь умерших родителей-дворян. Отец мой, Николай Николаевич Столыпин, родившийся и окончивший свое образование за границей, — работал всю

¹ Иван Николаевич Столыпин. ru.rodovid.org/wk/Запись:279229...

«Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1544. С. 75.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1544. С. 76.

жизнь при министерстве иностранных дел, был всю свою жизнь сторонником западной культуры и, живя там, был настоящим другом и покровителем той эмигрировавшей революционной молодежи. Я, родившись, как и моя покойная сестра, Наталья Николаевна Батыгина, в Вене и живя в Мюнхене, имела многих преподавателей в лице этой колонии. Мать моя, Елизавета Ивановна Арапова, является внучкой Натальи Николаевны Гончаровой (жены А. С. Пушкина, поэта). Европейская война заставила нас вернуться в нашу страну, и таким образом мы очутились впервые в России в марте 1915 года, куда пришлось поступить в гимназию классом ниже, ввиду еще недостаточно сильных знаний русского языка, так как французский и немецкий языки были мои первостепенные. Отец мой умер, проболев больше года в январе 1920 г<ода>, мать же в августе 1930 г<ода>, проведя свои последние пять лет жизни в Психиатрической больнице на Удельной. С 1920 г<ода> я работаю самостоятельно (конторщицей в службе Тяги Север<ной> ж<елезной> д<ороги>, потом учительствовала в младших классах 17 сов<етской> школы и, будучи сама туберкулезной, поступила воспитательницей в Туберк<улезный> Детский Гарболовский санаторий при ст<анции> Грузино Финл<яндской> ж<елезной> дор<оги>. Там же я познакомилась с моим теперешним мужем Николаем Васильевичем Седуновым, который работал там по восстановлению санатория, и в феврале 1922 г<ода> я вышла за него замуж. Во время замужества по состоянию своего больного здоровья — я была почти все время домашней хозяйкой, работая лишь один год и пять месяцев на Шинном заводе "Кр<асный> Треугольник". Прожив счастливо тринадцать лет с моим мужем и имея от него единственного сына двенадцати лет — я принуждена теперь быть как с мужем, так и с сыном в разлуке. По распоряжению Л<енинградского> НКВД я и моя покойная сестра Н. И. Батыгина (ныне умершая здесь после своих первичных родов, так как слишком тяжело ей отозвалась эта трагедия, и она погибла от родильной горячки 27.VI.35 г<ода>), включенные по делу № 136 Алисы Евгеньевны Гальнбек (второй жены брата), должны были во главе с невесткой покинуть город Ленинград, откуда и выбыли 12.V.35 г<ода>.

Не имея за собой лично абсолютно никакой вины, как если я только что являюсь дочерью родителей, и после столь верных и могучих слов нашего товарища Сталина видим из его речей, где он говорит ясно: "Что дети не должны отвечать за своих родителей". Мне делается невероятно горько за одно сознание, что я являюсь, не имея на это никаких прав, ответчицей и виновницей за дело моего брата, с которым у меня уже с 1917 года прервались всякие личные отношения, так как он, женившись еще до начала революции, жил своей отдельной семьей. Мать и та не была на его иждивении, а на моем и сестрином, и потом наши же мужья помогали ей, так что я имею свое полное право открыто объявить, что и делаю, что с братом нас ничего не связывало никогда.

По наведенным справкам моим мужем Н. В. Седуновым в Московской Прокуратуре мне только на днях стало известно, по его мне сообщениям, что мое еще первое ходатайство, поданное Прокурору 27/IX - 35 г<ода>, — осталось без последствий. Находя такое положение явно несправедливым, я осмелилась уже более настойчиво апеллировать к Прокурору, имея на это свое полное основание.

Призываю Вас, уважаемая Екатерина Павловна, как доблестного члена Общества помощи полит<ическим> заключенным, я надеюсь глубоко, что Вы не откажете мне в данном моем тяжелом положении прийти на помощь и поможете хотя бы сколько-нибудь выявить перед высшей Прокуратурой мою определенную невинность в этом чуждом совершенно для меня деле, куда по совершенно мне даже неизвестным

причинам, меня приобщили. Помимо горя, которое я терплю эти восемь месяцев, находясь в вынужденной разлуке с мужем и ребенком, мне еще морально тяжело носить за собой эту тень того позора, которая ложится на меня в моем данном гражданском положении административно высланной, и вносит этим же пятно на участи моего ребенка.

Мой муж тем более еще, проведя свои юные годы по старым тюрьмам за свои благородные мысли и стремленья, был осужден тогдашним Военным Окр<ужным> Судом и дважды сослан в далекие края Сибири (Туруханский край), откуда же дважды бежал, чтобы не погибнуть и проживал в г<ороде> Томске под чужим паспортом. Поэтому если мне лично самой тяжело страдать, не зная за собой никакой ошибки перед своей страной, то мне еще более невольно, конечно, затенить теперь своим положением заслуги моего мужа.

Находясь без паспорта, я не могу здесь по своей скромной специальности устроиться на работу, кроме как на физическую, на что мое уже подорванное сейчас <здоровье> (туберкулезом и малярией) не позволяет, и я к довершению всего принуждена отрывать кусок хлеба как от мужа, так и своего сынишки, что мне тоже невероятно тяжело, так как я до сих пор жила только для семьи, а теперь должна отрывать от нее. Вы меня простите за мою откровенность, и, находясь уже на границе полного морального отчаяния, я обращаясь к Вам, надеюсь в лице Вас найти ту для меня необходимую помощь, чтобы не погибнуть окончательно!

Если я могла невольно подвести себя перед НКВД моими посещениями в тюрьме, куда я выходила в дни передач занимать очередь моей невестке, так это я делала из чувства уважения к ней, которая, прожив фактически с моим братом всего полтора года из шести зарегистрированных лет, видела одно горе, и она, работая в Областном суде не нормированным днем, не имела возможности отрывать несколько часов для себя. Передачи производились за счет жены и передавались ею. Такая чистосердечная человеческая услуга не должна рассматриваться, как предусмотрительное поведение с моей стороны.

Прошу Вас от всего моего разбитого сердца, многоуважаемая Екатерина Петровна, вникнуть в мою искреннюю к Вам мольбу, не отказать мне в Вашем содействии и выручить меня, ходатайствуя о смягчении моей участи в соответствующих организациях. И если по каким-либо высшим соображениям возвращение в мою семью невозможно, то очень прошу не отказать мне в Вашей помощи получить минус пятнадцать!

Седунова Ал<ексан>дра Ник<олаевна>.

г<ород> Астрахань, Георгиевская ул<ица> 88, кв<артира> 4»⁴.

В начале февраля 1936 — Александра Николаевна Седунова по указанию заведующего юридическим отделом Помполита подала заявление в НКВД.

<7 февраля 1936>

«В Народный Комиссариат Внутренних Дел — Москва

Гр<аждан>ки Седуковой Александры
Николаевны, жит<еля> г<орода>
Астрахани III, Георгиевская, 88, кв. 4

Заявление

Находясь в течение девяти месяцев в безвыходном положении по стечении. Обстоятельств, благодаря которых нахожусь пристегнута к делу

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1544. С. 75-78. Автограф.

моей старшего брата Ивана Николаевича Столыпина, и обращаясь уже неоднократно о выяснении для меня этого столь прискорбного казуса, обращаюсь я уже к Вам с великой моей и настоятельной просьбой, обратить и Ваше должное внимание на возможное смягчение постигшей меня горькой участи! По Постановлению Л<енинградского> О<тдела> НКВД от 7/III 35 г<ода> я и моя покойная сестра Н. Н. Батыгина (умершая здесь после родов) — во главе с невесткой А. Е. Гальнбек (второй жены брата) — принуждены были покинуть г<ород> Ленинград 12/V, откуда и выбыли.

Не имея за собой абсолютно никакой вины перед нашей Властью, как если только мое дворянское происхождение, за которое после произнесенных слов товарища Сталина в одной из его речей, где говорится, что дети не отвечают за родителей своих, у меня является определенное сознание, что я могу по сему случаю быть избавлена и за свое происхождение; то мне тем более является горько и обидно, что я по совершенно неизвестным мне причинам являюсь пристегнутой в дело моего брата — ибо, не имея за собой личного дела, я зачислена в дело № 136 моей невестки Гальнбек. Не буду задерживать Ваше внимание моей автобиографией, так как я уже писала о ней много раз, — но прошу Вас очень удовлетворить мою единственную просьбу, с которой я с одинаковой искренностью обращалась во многие инстанции и ко многим лицам, прося их ходатайства за меня, о восстановлении меня в моих гражданских правах и о возврате меня к моей семье!

Если по каким-либо высшим соображениям моя покорная просьба уважены быть не может, то очень прошу Вас не отказать мне в возможности получения паспорта минус пятнадцати.

Седунова Александра Николаевна.

Астрахань.
7/II-1936⁵».

⁵ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1544. С. 73. Автограф.